

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ. Первый русский марксист

Г. В. Плеханов (1856 - 1918) - первый русский марксист и выдающийся мыслитель, как известно, решительно разошелся в 1917 г. с Лениным во взглядах на перспективы социалистической революции в России. Действительно ли Плеханов предвидел деформации социализма, культ личности? Предлагал ли он в 1917 г. какие-то реальные пути выхода для страны, и была ли, спрашивают наши читатели, плехановская альтернатива лучше ленинской, большевистской?

Ответить на эти вопросы мы попросили ведущего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, доктора исторических наук С. В. ТЮТЮКИНА.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. В. Плеханова неоднократно менялись: сначала народник, затем, революционный марксист, большевик, меньшевик (хотя далеко не во всем "правоверный"), социал-патриот. На каждом из этих этапов в его отношении к проблеме социалистической революции в России были существенные различия. Так, в 70-х гг. XIX в. Плеханов-народник видел главную задачу "в создании боевой народно-революционной организации для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем". При этом он считал, что сельская община послужит в России "исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах".

Плеханов-марксист придерживался иных взглядов. Он уже разделял во времени буржуазно-демократическую и социалистическую революции, подчеркивал идею некапиталистического развития России, связывал ее будущее с рабочим классом. Он уже считал, что торжество капитализма будет в России непродолжительным, но предостерегал от скоропалительных социалистических экспериментов. При этом Плеханов довольно красочно описывает в книге "Наши разногласия" (1884) ситуацию, которая может возникнуть в случае преждевременного захвата власти кучкой революционеров и попытки декретирования ими социализма. Тогда, говорит он, "совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, т. е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке".

Разуверившись в изначальных социалистических потенциях крестьянской общины, Плеханов писал, что "от общественной обработки полей немногим ближе до коммунизма, чем от общественной работы на барщине или от "общественных запашек", вводившихся при царе Николае Павловиче с помощью штыков и розог!".

Отвечая тем, кто полагал, что спасение России придет с Запада, где победит социалистическая революция. Плеханов писал: навязывание социалистического строя "с чисто внешней стороны" в таких крестьянских странах, как Россия, не может увенчаться успехом. "...Запад - Западом, а Россия - Россией, или другими словами, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай". Как бы ни было могущественно возможное влияние европейской революции, заключал Плеханов, для успеха революции в России нужны внутренние факторы, которые бы сделали это влияние реальным.

Этих взглядов Плеханов придерживался до конца своей жизни. Он неоднократно цитировал высказывание Энгельса о трагедии революционеров, вынужденных взять власть тогда, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого ими класса. А в 1901 г. прямо признал, изменив свои прежние представления, что демократический и социалистический этапы революции "по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени".

К 1917 г. Плеханов, находясь на протяжении 37 лет в эмиграции, представлял себе истинное положение дел на родине лишь в самых общих чертах по печати, письмам из России, рассказам соотечественников, бывавших у него в Женеве или в маленьком итальянском курортном городке Сан-Ремо, где он проводил зимние месяцы. Особенно не хватало ему знаний настроений масс. Плеханов поневоле стал "русским европейцем". "Европеизма, увы, в России мало", говорил он в 1917 г. Цивилизованная Европа и "немая" Россия вот та антитеза, которая всегда стояла перед глазами Плеханова и во многом

определяла его подход к вопросу о возможности строительства социализма в нашей стране.

"ОТЕЦ РУССКОГО МАРКСИЗМА" И РЕВОЛЮЦИЯ

Плеханов вернулся в Петроград в ночь на 1 апреля 1917 г., на четыре дня раньше Ленина. В церемонии их встречи было много общего: тот же Финляндский вокзал, оркестры, толпы возбужденных людей, приветственные речи. Но если Ленина встречали как вождя большевистской партии, за которой шли сотни тысяч рабочих и солдат, то Плеханова как социал-демократического "литератора", которого приветствовали прежде всего демократическая интеллигенция и студенчество.

Картины революционного Петрограда вызывали у Плеханова смешанные чувства. К радости от свержения самодержавия, к ощущению свободы примешивалось опасение, что разбушевавшаяся народная стихия "понесет" страну не туда, куда нужно. Не внушали доверия Плеханову и социалистические вожди (не только большевики, но и меньшевики), готовые, как ему казалось, идти на поводу у нетерпеливых и озлобленных масс.

Интересен рассказ о встрече Плеханова с известным анархистом П. А. Кропоткиным, состоявшейся весной 1917 г. Кропоткин, побывавший перед этим в штабе питерских анархистов, был подавлен грубостью и наглостью вооруженных до зубов молодцов, которых он там встретил, а также неряшливым видом их "гнезда". "И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!" с горечью сказал он Плеханову. А в ответ услышал: "Я в таком же положении. Мог ли я думать, что моя проповедь научного социализма приведет ко всему тому, что говорят и делают сейчас..."

Чем больше росло влияние большевиков, тем больше чувствовал Плеханов свое бессилие перед надвигающимися событиями, тем мрачнее становились его прогнозы.

О том, например, как отнесся Плеханов к Апрельским тезисам Ленина, можно судить хотя бы по названию статьи Плеханова, опубликованной в газете "Единство", являвшейся на протяжении 1917 г. его официальной трибуной. Статья называлась "О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен".

Плеханов неоднократно развивал в то время мысль о том, что реальной почвы для перестройки общества на социалистических началах в России нет. Сейчас уже довольно широко известны относящиеся к июню 1917 г. его слова: "...Русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма...". А вот еще одно высказывание Плеханова на ту же тему: "Социалистический строй предполагает по крайней мере два неперемняемых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны". В России нет ни того, ни другого, и потому "толковать об организации социалистического общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию".

Социалистическое правительство в России, считал Плеханов, оказалось бы очень непрочным, просуществовало бы недолго, а его падение обернулось бы победой контрреволюции и принесло бы наибольший вред самому пролетариату. При этом Плеханов не делал принципиального различия между "введением" социализма по декрету "сверху" и процессом строительства социализма в рамках переходного периода, который мог растянуться на сравнительно длительный срок. Не принимал он и варианта, обоснованного позже в известной статье Ленина "О нашей революции": сначала взять власть, а потом, используя ее как своеобразный архимедов рычаг, компенсировать недостаток цивилизованности и культуры и догнать передовые страны.

Как и многие другие лидеры II Интернационала, Плеханов считал, что диктатура пролетариата станет возможна лишь тогда, когда наемные рабочие будут составлять большинство населения страны. В противном случае она "неуместна и опасна", а диктатура нескольких десятков лиц, "диктатура Смольного института" (так представлялась ему победа большевиков) - тем более.

"ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ" ПО ПЛЕХАНОВУ

Но, спрашивается, была ли у Плеханова своя программа выхода из того глубокого кризиса, к которым была охвачена в 1917 г. вся Россия?

Февральская революция, писал тогда Плеханов, знаменует собой начало новой эпохи (термин говорит сам за себя) в истории русского капитализма. "...Если бы наш рабочий класс захотел стеснять дальнейшее развитие капиталистического способа производства, он тем самым нанес бы жестокий вред как всей стране, так и своим собственным интересам". Исходя из этого, а также учитывая продолжающуюся войну, Плеханов предлагал урегулировать классовые противоречия в России компромиссным, "английским" путем: рабочим он советовал проявить умеренность и сдержанность в своих требованиях, а капиталистам - стать на путь проведения социальных реформ.

Наивно было ожидать, что в накаленной атмосфере России 1917 г. подобные советы могли иметь успех. Что касается политической платформы Плеханова, то она в то время сводилась к следующему.

Во-первых, поддержка Временного правительства; во-вторых, коалиция меньшевиков и эсеров с кадетами; осуждение корниловщины; война до победы. И, конечно же, Плеханов резко осуждает большевиков, вплоть до обвинений их в пособничестве немцам. Плеханов бросает Ленину упреки в том, что он собирает под свои знамена "разнузданную чернорабочую чернь", строит свои псевдореволюционные планы на неразвитости "дикого, голодного пролетариата", и даже выражает сожаление по поводу того, что "мягкотелое" Временное правительство не сумело арестовать Ленина.

Не будет преувеличением сказать, что Плеханов был политическим противником Ленина. Еще в разгар борьбы между большевиками и меньшевиками Плеханов строил прогнозы относительно того, что будет с партией, если победит Ленин, говорил о бонапартизме Ленина и о возможных последствиях насаждения в партии антидемократических методов руководства. "ЦК всюду "расскашивает" все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему "Ура!", одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас действительно не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха". И немного дальше: "Если бы наша партия в самом деле наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов, в ней остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да Центральный Журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой".

Каждый, кто знаком с историей нашей партии при жизни Ленина, сможет без особого труда отвести эти обвинения. Вспомним: на каждом партийном съезде шли тогда дискуссии, причем инакомыслящих не только не репрессировали, но многих избирали в состав ЦК. Но, к сожалению, по злой иронии истории предсказания Плеханова оправдались в сталинский период.

Но вернемся к событиям 1917 г. Логика подсказывает, что Плеханов неизбежно должен был осудить Октябрьскую революцию. Так и произошло. 28 октября (10 ноября) он опубликовал "Открытое письмо к петроградским рабочим", где предрекал гражданскую войну, которая заставит отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале - марте 1917 г. При этом Плеханов повторил, что пролетариат составляет меньшинство населения страны, а крестьянство не нуждается в замене капиталистического строя социализмом.

В дальнейшем Плеханов осудил такие шаги молодого Советского правительства, как роспуск Учредительного собрания (хотя сам на II съезде РСДРП в 1903 г. теоретически допускал такую возможность в интересах революции) и заключение Брестского мира. Однако принять участие в борьбе с Советской властью и войти в состав контрреволюционного правительства, как предлагал ему Б. Савинков, наотрез отказался.

Разумеется, каждый волен по-своему интерпретировать факты, которые мы предложили вниманию читателя. Но, обсуждая вопрос об альтернативности исторического развития, не надо забывать, что в расчет принимаются лишь реальные, опирающиеся на вполне определенные классовые силы и партии, альтернативы. Политическое одиночество Плеханова в 1917 г. свидетельствует о том, что он не мог предложить народу программу, соответствовавшую настроениям и чаяниям масс.